



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Терентий ГРАВИН



АЗАРТ

КНИГА ВТОРАЯ. ИГРОК ПОНЕВОЛЕ

Азарт

Терентий Гравин

Игрок поневоле

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гравин Т.

Игрок поневоле / Т. Гравин — «Эксмо», 2015 — (Азарт)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гравин Т., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Терентий Гравин

Азарт. Книга вторая. Игрок поневоле

© Гравин Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Козлы отпущения

Контуженный упавшим стволом, побитый женским телом и оглушённый бурей эмоций, я на какое-то время выпал из действительности. Естественно, что и воин из меня в тот момент оказался никакой. Я даже про Щит свой именной и легендарный забыл и понятия не имел, где он. То есть меня, в те минуты полной дезориентации, могли утыкать издали стрелами, словно ёжика иголками, или отправить к праотцам парочкой арбалетных болтов, а я бы и не заметил. И можно считать огромным везением, что у преследователей из оружия имелись только копья, мечи и ножи.

Правда копьём и ножом можно бросить далеко и эффективно, но в эпицентре событий все военные действия стал вести Александр Пятница. Отступая от реки и будучи уверенным, что её никто не перепрыгнет, парень не стал деликатничать, когда с того берега некий туземец вдруг пожелал показать свою удаль и не стал жалеть собственное копьё. В кого он собирался метнуть своё оружие, осталось загадкой истории. Ибо получил болт в правое плечо и если не отбежался, то уж точно на долгое время «откидался». И в стане нашего гипотетического противника появился первый тяжелораненый вояка.

Пятница наловчился свой арбалет заряжать секунд за двадцать, поэтому, когда к берегу Багрянки подбежали иные туземцы, дальнобойное оружие уже опять было готово к стрельбе. Да и сам стрелок отошёл подальше. А с пятидесяти метров дать себя ткнуть копьём или ножом – вообще следует быть крайне неповоротливым.

Моя бредущая и спотыкающаяся тушка ползла сугубо параллельно берегу и взбиралась постепенно на холм со стояночным биваком. Димон Чайрэвик спасённую нами даму уже давно ублажал возле костра разговорами и плевать хотел на разворачивающиеся внизу действия.

Так что в итоге сложные переговоры пришлось начинать и вести Александру. Для своих шестнадцати лет – он справился великолепно. Сказался опыт пребывания в данных мирах, ну и возросшая в последнее время уверенность в себе. Его басок звучал более чем уверенно, если не сказать грозно:

– А ну стоять! Кто ещё дёрнется что-то метать, выбью глаз вместе с мозгами!

Около полутора десятков невесть кого резко тормознуло, не желая остаться без глаза и не сомневаясь в меткости арбалетчика. Несколько человек склонилось над раненым, оказывая ему помощь. Через минуту проявился некий старший среди них по званию, который вышел почти на самый берег лавового потока и тоже стал давить глоткой:

– Кто вы такие? И почему оказываете содействие этой мерзкой, вонючей преступнице, приговорённой к казни?

– А кто она такая? И в чём состоит совершённое ею преступление? – не собирался уступать Пятница.

– Вы тоже становитесь преступниками и подлежите преследованию за её укрытие! – вопил с угрозой представитель противной стороны. – И кара неминуемо падёт на ваши головы!

– Ты бы меньше болтал всякие гадости, дядя! – Арбалет недвусмысленно отыскивал новую жертву для своего выстрела. – А отвечал на мои вопросы! Если мы по доброте своей душевной нечаянно помогли преступнице, то сейчас же её обратно к вам и перебросим. Только ты объяснись толком.

– Эта подлая сияда обманом втёрлась в окружение великого правителя Новой Византии. Затем ограбила его казну, а потом и убила благоверную супругу правителя. Также на её совести кровавое убийство главного казначея и десятка охранников, часть из которых она предательски

отравила. Данную сияду будут разыскивать и преследовать за совершённые преступления, где бы она ни укрывалась и как бы ни пряталась.

Перечень грехов оказался достаточным для нескольких смертных казней. И я, к тому моменту слегка оживший, вернувший себе слух, даже прекратил движение. Замер на склоне холма и принялся протирать глаза, испачканные пылью, смешанной со слезами. Сам принять участие в занимательной беседе я не мог, зато слушал её с возрастающим вниманием.

– А что обозначает слово сияда? – решил пока уточнить переговорщик нашей стороны. И мне показалось, что ответ последовал после некоторой заминки:

– Это титул тех, кто получил высшее предназначение и обязан ублажать самого правителя, находясь в его свите!

– Ага, обязан, значит? – верно выделил нужное слово малой. – То есть её силой и без её согласия собирались отдать в гарем, для постельных утех вашего правителя?

– Данный титул – высшая привилегия и невероятная честь! Чтобы получить её – никого заставлять не надо. А эта сияда не оправдала выраженного ей высочайшего доверия, оказалась преступницей и предательницей!

– Может, и так! Но какие у тебя есть доказательства твоих слов?

– Чего?! Какие ещё могут быть доказательства в отряде для дальней облавы?

– Да самые элементарные, Ватсон! – пустился в снисходительные объяснения мой молодой земляк. – К примеру, пергамент того же правителя с его печатью и подписью, в котором он предписывает всем подданным выискивать обозначенную сияду. Или поисковое предписание с портретом обвиняемой, которое обязаны выдавать каждому десятнику. Может сгодиться и постановление судебного пристава или ордер прокурора на арест. Есть у тебя хоть что-то из перечисленных мною документов?

– Ах, ты, мерзкий молокосос! – разъярился переговорщик, без сомнений притворно. – Как ты смеешь сомневаться в моих словах?!

Сандер-Саша демонстративно оглянулся по сторонам и с угрозой спросил:

– А кого это ты только что обозвал?

Тип угрозе не внял:

– Тебя! Тебя, презренный ублюдок!

Кажется, он в своей ненависти и злости уже не притворялся. Но в любом случае поступил глупо и недальновидно. Отряд, хоть и немаленький по всем понятиям, но всё-таки находился в пустыне налегке, без запасов пищи и сколько-нибудь достаточных запасов воды. На наш берег через речку из жидкой лавы они перебраться не смогут при всём желании, им придётся спешно возвращаться к своему лагерю, к неким иным силам поддержки или хотя бы к ближайшему источнику с питьевой водой. И не следовало забывать, что надо возвращаться в иной мир, который простирался за Багрянкой. А там ведь само небо ниспускало на песок знойный жар, убивающий неосторожных путников страшнее солнца. А у преследователей уже и так был на руках один раненый.

Был. Один. Потому что оскорбления в свой адрес Пятница прощать не собирался:

– В наказание за несдержанность и сквернословие лишаю тебя голени правой ноги! – озвучил свой приговор и выстрелил. Куда метил, туда и попал, демонстрируя как свою меткость, так и весомость каждого сказанного собой слова.

Воин на той стороне рухнул на песок, обагрив его кровью и разразившись проклятиями общего характера. Несмотря на дикую боль в пробитой голени и общее своё незавидное положение, ругать конкретно представителя нашей стороны он не осмелился.

Остальные повели себя не в пример своему старшему сдержанно и обдуманно. Никто не бросился к берегу, заноса копьё для броска, никто не выхватил нож, собираясь его метнуть с такого внушительного расстояния. Да и к раненому никто не спешил, несмотря на то, что арба-

летчик опять секунд двадцать потерял на перезарядку своего оружия. Скорей всего, они оказались невероятно расстроены: возвращаться далеко, а тут ещё и второе тело нести придётся.

Александра подобные терзания неизвестных воинов нисколько не смущали. Вначале он разрешил:

– Помогите ему с перевязкой! Не то кровью истечёт! – Потом поинтересовался: – Может, кто-то ещё мне про эту сияду расскажет? Как её звать, откуда она родом?

Но то ли остальные ничего по этой теме не знали, то ли попросту опасались продемонстрировать инициативу. А может, и права не имели при ещё живом командире брать на себя его права и обязанности.

Ну и Пятница не стал больше вести душещипательные беседы, подхватил валяющееся на нашем берегу сомбреро, обронённое спасённой нами женщиной, да и подался в мою сторону. Я к тому времени окончательно оклемался, пришёл в себя и вновь обрёл утраченные чувства и рефлексы. И хоть как мне ни хотелось броситься быстрее в расположение нашего лагеря, где подлый Димон продолжал охмурять идеальную женщину моей мечты, подумал первоначально о личном оружии. Щит и мой зазубренный меч так и продолжали валяться в том месте, где я их бросил впопыхах, руководя и организовывая спасательную акцию.

Конечно, никто не украдёт неподъёмное для посторонних оружие, но и оставлять его валяться где попало – негоже. Эти земли оказались полны неожиданностями, так что надёжная защита здесь не простой атрибут выживания, а самая насущная необходимость. Вот я и подался за ними, спускаясь с холма навстречу Пятнице. Когда мы сблизились, не удержался от вопроса, имея в виду подраненных:

– Не слишком ли ты с ними жёстко?

– В самый раз, командир. Тем более что о таких работорговцах я ещё в Дракуле наслышался крайнего негатива. Ну и прекрасно знаю, кто такая сияда. Это, в самом деле, самый мелкий дворянский титул в Новой Византии. Но в то же время именно их ещё в раннем детстве в одном из храмов посвящают, а потом долго обучают для постельных утех высшей знати. Скорей всего, что и самого правителя. Вот только ей не полагается беременеть, потому что после рождения ребёнка элитную даму сразу же убивают.

– И откуда ты всё знаешь? – не смог скрыть я своего удивления. – В таком-то возрасте?

– Ну это просто: у нас, молодых да юных, отличная память и прекрасный слух.

– Точно! Мы ведь с тобой почти ровесники! – хмыкнул я и мотнул головой в сторону нашего бивака. – Ладно, беги к костру и присмотри там за моей женщиной. А то я этому Чайревику что-то не доверяю.

– Ха! А когда это она успела стать твоей? – стал ехидничать мелкий. – И знает ли она об этом?

– Когда, когда... После того плотного соприкосновения, когда она на меня упала! – постарался я развеять любые сомнения по этому поводу у своего боевого товарища. – Для меня – это словно признание в любви, после которого я просто обязан на этой девушке жениться. И не смотри на меня с такой завистью, она для тебя слишком стара, мы тебе обязательно девчонку молоденькую отыщем.

Ничего больше не говоря, Александр поспешил наверх, мотая иногда головой и громко хмыкая. По его эмоциям легко было догадаться, о чём он думал: «А тебе, Максим-Адриано Сергеевич, не в падлу будет в свои-то сорок с хвостиком на такую молодку губу раскатывать? Если она для меня стара, потому что года на два старше, то ты по сравнению с ней – вообще пень трухлявый!.. Хоть и выглядишь молодо...»

Ну что я мог на это ответить?.. Только одно: «Не в падлу!» И видит бог, каких моральных усилий мне в тот момент стоило не рядом с незнакомкой находиться, а тащиться на берег реки за своим оружием. Хорошо хоть при этом в итоге нашёл на ком странную злость сорвать и раздражительность.

Оказывается, у работорговцев, к которым я уже малейшего доверия или уважения не испытывал, ещё один герой выискался. А может, ему подраненный командир чего-то такого нашептал, увидев, что я один, безоружный, пыльный и скособоченный хромаю к берегу. От группы с ранеными, которых перенесли к ближайшему бархану, отделился шустрый вояка и помчался к берегу, как раз напротив того места, где стоял мой воткнутый в песок щит, а рядом тоже воткнутый меч, похожий на двустороннюю пилу. Добежав, он не стал сразу кидать своё копьё, а дождался моего подхода и решил поглумиться:

– Хочешь умереть сразу, или пожелаешь всё-таки прикрыться щитом?

Двадцать метров, нас разделяющие, похоже, заставили хвастунишку не просто поверить в свои возможности, а даже переоценить их. Ну и я оказался не против ему подыграть:

– Пожелаю прикрыться щитом! Можно?

– Давай! – дождавшись, пока я присяду за стальной преградой, приподняв над ней только лоб и глаза, он шумно фыркнул, с трёх шагов разогнался и сопроводил свой мощнейший бросок злорадным восклицанием: – Получи!

Только тогда я понял, что сам копейщик непрост, а уж его копьё – и подавно. Расчёт у врага был только один: пробить насквозь и мой щит, и меня, а потом ещё и утопить в жидкой магме. В этом невозможном, как, казалось бы, варианте событий меня убедил тонкий белый шнур, закреплённый на тыльном кончике древка и лихо разматывающийся из специального наплечника у воина. Бросок оказался великолепен! Он смело мог служить учебным пособием для любого, даже самого опытного и прославленного метателя.

Будь у меня защита обычная, а не часть рыцарского облачения самого бога Тариса, быть мне пришипленным насквозь, словно бабочка булавкой. А так копьё, громко зазвенев, кувыркнулось у меня над головой и упало метров в пяти за моей спиной. Вот тогда белый шнурок я и сумел рассмотреть отчётливо. Он уже натягивался, готовясь рывком выдернуть опасное оружие обратно на противоположный берег Багрянки.

Но и я парень ловкий, хоть куда. Потому успел опрокинуть свой меч непосредственно на шнурок, создавая с помощью стоящего Щита заклиненную систему «Клещи». И как противник не изгалялся, пытаясь рывками выдернуть своё оружие, у него ничего не получалось. И как бы он умудрился сотворить такой подвиг? Если посторонние лица, оба предмета легендарного и именного оружия, принадлежащего мне, даже приподнять не могут?

Не мешкая, я выскочил из-за щита и тоже решил потягаться силой. Благо разумно не касаясь открытой ладонью, я прыгнул на натянутый струной шнур всем телом. Ведь в прочности доставшейся мне от мага одежды, в её уникальных возможностях и прочих положительных качествах – уже успел убедиться. И моя победа стала неоспоримой в этом поединке: метатель копья так дёрнулся вперёд, что пропахал носом землю и наверняка влетел прямо в магму, если бы не сделал сброс своего, тянущего к смерти шнура. Что интересно, сама беленькая и тоненькая на вид верёвочка, упавши в раскалённую реку, только заискрила, но не сгорела! А после моего удара по ней ногой вообще невредимой вылетела на наш берег.

Зато с руганью и проклятиями вскочил на ноги работорговец. Выхватил вполне солидный «режик» и попытался метнуть его в меня, такого невинного и мирного. Только вот моя склонность к пацифизму окончилась несколько раньше. Потому что я успел бросить свою тройную звезду раньше его. А так как практиковался я с трёздами довольно часто, то и результат оказался очевидным (для меня, естественно!): длинный луч родственницы сюррикена пронзил нехорошему дядьке нос и наверняка достал до мозга. Как-то нелепо взмахнув руками, тип попятился, попятился... да и упал на спину.

А я пожалел: у меня подобной связи со своим оружием не было. Сейчас бы сделал рывок, и трезда вернулась ко мне как бумеранг. Стою, вздыхаю... Оставшиеся на ногах тринадцать работорговцев тоже стоят. Пялятся. Может, задумали чего плохого? Вон, даже раненые уселись и тоже смотрят на меня. Понимаю, почему раньше этот копыеносец не решился рискнуть: наш

юный арбалетчик сбил бы его болтом ещё быстрее, чем он сделал замах для броска. А тут я такой весь... без ничего. Только щит и меч, ну совершенно с виду не эпические.

Вряд ли кто ещё рискнёт меня атаковать. Но я человек вежливый, поспрашивать не постесняюсь:

– Ну что, уроды, чанга бригасса, етить вашу халупу! Есть ещё желающие оспорить мои права на сияду? – Уроды, может, и поняли суть конголезийского проклятия, но делали такие лица, словно я не к ним обращаюсь. Мол, нет нас здесь. – Ну и ладушки. На нет – и судью в винегрет. Ха-ха! Тогда я сам выслушаю её оправдания и решу её дальнейшую судьбу. И если она соврёт или проговорится о подлинности предъявленных ей обвинений, я переброшу вам её обратно. Так что можете отдохнуть и подождать парочку часов. Ага, чуть не забыл! Верните по-хорошему моё оружие, которое торчит из носа вон того дохлого придурка. И поживей, я очень спешу!

Те же позы, то же самое молчание. Ну, разве что заинтересованность появилась на лицах, словно говорившая: «По-хорошему? А как будет по-плохому? И будет ли?»

Не люблю я таких противных типов. Потому и решил попугать. Ничем больше словесно не угрожая, просто нагнулся и поднял копьё умершего противника. Коснулся для пробы пальцами шнурка, потом попробовал всей ладошкой. Не искрит, не кусается, значит, либо магия кончилась, либо за нового хозяина признал. Намотал кончик суперпрочной бечевы на левую руку, в правой взвесил копьё в руке, уловил баланс и лихо, с места, рванул по своему берегу ближе к врагам. Да только не успел бросить. Хоть и плохие они дядьки, но, поняв мои намерения, быстро схватили раненых за руки, за ноги, да и унесли за бархан.

Вот и оказалась моя угроза напрасной. Оставалось только в бессилии помахать вслед неприятелю копьём да потрясти кулаком. На ругань я размениваться не стал, не приличествует. Зато вспомнил, кто и как долго меня ждёт в нашем лагере, и у меня словно шило взыграло в одном месте. Больше ждать встречи с вожаком во снах красоткой у меня сил не осталось. Посему, подхватив своё оружие и не забыв трофейное, целеустремлённо отправился к биваку.

Глава 2

Роняя честь, достоинство и гордость...

Наверху меня встретили три разных по значимости и по эмоциям взгляда. Один – насмешливо-выжидательный; второй – откровенно враждебный, ревнивый, но всё-таки с толикой вальяжного превосходства и вагоном чрезмерной самоуверенности в себе. Третий – презрительный, надменный, чванливый и замораживающий. Жаль, конечно, но последний, принадлежавший женщине, меня поранил и уколол хуже любого кинжала.

С первым взглядом, принадлежавшим Александру, я разобрался быстро:

– Санёк, разве воды не осталось?

– Увы, командир, вся вода ушла на мытьё твоей девушки, спасённой тобой же.

Какой молодец! Вот это, я понимаю, друг! Всё понимает, всё соображает и остаётся невероятно лояльным в самых невероятных ситуациях. Да и сообразительностью своей смело может гордиться: так ловко, всего пятью словами показать, кто тут главный, кто всё придумал с организацией операции спасения и кому должна быть как минимум благодарна вырванная из лап смерти красавица.

Правда, во мне с каждой секундой всё больше и больше разгоралось непонимание. Сколько я ни присматривался к женщине – всё никак не мог понять, что в ней так резко изменилось? Ну, пропала обнажённость некоторых частей тела, прикрытая сейчас рыцарским плащом третьего члена нашей команды. Ну, совсем иначе смотрелись мокрые волосы на голове, ставшие темнее и прямей. Ещё как-то проще и непритязательнее стало лицо, которое могло бы вполне принадлежать очень многим, пусть и красивым женщинам, но всё-таки не до умопомрачения. Взгляд шокирующий и глубоко пронзительный – конечно, остался. А вот остальное...

Точнее говоря, всё то прежнее великолепие и несомненное очарование как-то странно исчезли, рассеялись. Я довольно быстро отыскал этому объяснение:

«Здорово меня стволом приложило! Полное умопомрачение, что ли? Мог ведь и не выжить...» – но вслух я продолжил вести заранее намеченный разговор:

– Санёк, дружище, тогда сбегай, пожалуйста, к озеру и принеси мне воды помыться. А то я сам до сих пор на ногу прихрамываю. Немного неудачно моя девушка меня при падении ударила своим тельцем.

Тут не выдержал и решил заявить о своих правах на красавицу Димон Чайревик:

– Подобные заявки, господин Ланфер, в нашем обществе неуместны! Сударыня сама вправе выбрать свою долю, потому что мы не работоторговцы, а...

– Воины! – договорил я с пафосом чуть раньше него, не собираясь менять намеченную политику поведения. – Причём воины – несущие свет, свободу и справедливость и беспрекословно выполняющие приказы своего лидера. А что у нас осталось не в порядке? Правильно! Наш единственный, сверхпрочный капроновый шнур, который до сих пор валяется в месте проведения спасательной операции. Поэтому давай, Димон, сходи и принеси в лагерь как сам шнур, так и вырубленную Пятницей лесину. Она ещё нам может пригодиться. Давай, давай, шевелись! – решил я напоследок подогнать замершего и явно не спешащего куда-то мчаться рыцаря.

– Я вообще-то... – начал было он, но я его опять перебил:

– ...Должен уже мчаться вниз с холма! И не переживай, в лагере я и сам управлюсь с наведением порядка.

Всё это время Санёк мотался вокруг нас, делая вид, что собирает пустые вёдра, протирает их снаружи и внутри тряпочкой, ищет имеющееся у нас коромысло и деловито пристра-

ивает в крепления у себя на спине так отлично зарекомендовавший себя арбалет. То есть ему было дико интересно, чем эта вся авансцена завершится. А может, он заподозрил Чайревика в желании предать нас и распрощаться с нами навсегда? Скорей всего, ведь он имел возможность здесь находиться до меня и услышать некие не особо дозволяемые и уж совсем не поощряемые настоящим командиром речи.

Тогда как наш рыцарь-паладин решил идти ва-банк, понимая, что чем больше он втягивается в дискуссию со мной, тем больше уменьшаются его шансы на завоевание доставшейся нам красоты.

– Подобные распоряжения ко мне неуместны. Я тебе не слуга и не холуй, и считаю несуразное перекраивание внутренних отношений в команде грубейшим нарушением всех существующих законов! Поэтому заявляю о своём немедленном выходе из пати. Тем более что констой – наша группа так и не успела стать.

– Ну да, ты прав, не успела! – легко согласился я с ним. – Легко сошлись и так же быстро разбежались. Хотя ни слова благодарности мы с Санькой от тебя за спасение из ямы-западни, а потом и за чудесное исцеление твоего тела так и не дождались. Так что забирай свой тюк с вещичками и топай на все четыре стороны!

– А-а-а... – Маг-артефакторщик несколько растерялся, даже заикнулся: – А д-две мои лошади?

– Как ты смеешь заикаться об имуществе, данном тебе временно?! – возмутился я от всей души. И, немножко рисуясь, развернул ладони к небу: – Видят боги, что за подобную наглость следует наказать лгуна. Поэтому давай снимай ещё и кольца «Малого круга» исцеления. Как говорят: окончился контракт – нечего щеголять чужими подковами.

Честно говоря, я больше дурачился, с таким весёлым куражом пытаюсь доказать только одно: своё несомненное лидерство в компании двух мужчин. Пятницу я в расчёт не принимал и конкурентоспособным мужчиной не считал. Зато мне казалось, что Димон прекрасно осознаёт сложность именно своего пребывания в данной ситуации. Попав сюда из невероятно далёкого мира, он ничего толком не знал о здешней вселенной, и нахождение в команде ему было выгодно во всех смыслах этого слова. Да и его собственные силы, несмотря на высокий, сто тридцать второй уровень мага-артефакторщика, не шли в сравнение с моими, пусть и не зафиксированными силёнками, но точно превышающими двухсотый уровень.

Заявление паладина о выходе из команды я принял с внутренним смехом и готовился в следующий момент заявить: «Ну всё, пошутили, и хватит! За работу!»

И тут чудо случилось – рыцарю удалось меня поразить до глубины души. Он снял кольца «Малого круга», небрежно бросил их на расстеленную у костра ткань и подал руку даме, так и продолжающей сидеть, не проронившей ни одного при мне слова:

– Уважаемая сияда, мы уходим! Как вы сами понимаете, оставаться здесь у нас больше нет возможности!

Я стоял и хренел. Этот неблагодарный гондольеро не просто сам решил уйти, предав и растоптав наши зародившиеся дружеские отношения, а сделать это с женщиной моей мечты! Пусть даже она и сильно за последние минуты подрастеряла приписанную ей неотразимость, шарм, лоск, таинственную притягательность и харизму. Но всё равно – бунт на корабле! Да за такое!..

Пока я стоял припухший от морального шока, раздался наконец-то прелестный, пусть и несколько капризный голосок нашей чаровницы:

– Я не собираюсь сбивать ноги, ходя пешком. Позвольте объясниться, сударь, как вы намереваетесь решить эту проблему?

– О! Нет ничего проще, несравненная! – заливался этот гад соловьём. – Мы обязательно что-нибудь отыщем. Вплоть до того, что я запрягу в элегантную карету кого-нибудь из местных умертвий. Опыта и умений у меня хватает!

Вот ведь жучара подлый! Раньше о таких умениях молчал как партизан! Вдруг подобное и в самом деле возможно? И мы могли запрячь в повозку с добром гуля или того же Скелета-толстяка?

Тем временем волшебный голос меня пленял всё больше и больше:

– Нет, я не люблю умертвий, и мне больше нравятся лошадки! – За подобные слова я уже готов был броситься перед дамой на колени и целовать её всю, целовать, целовать, целовать...

Из странной любовной прострации меня вывел озлобленный голос рыцаря:

– Так что же мне делать, сударыня, если Максим-Адриано мне не даёт лошадей?

– Что и положено в таких случаях: убей его.

Последние два слова прозвучали для нас троих не как гром с ясного неба, нет! А как леденящий удар шквального ветра, вырвавшийся из арктического ада. Мы все с минуту стояли пришибленные, пытаясь понять весь мрак услышанного ужаса и соразмерить с тем ангельским образом, что мы видели перед собой.

Пожалуй, если бы Димон в тот момент стал действовать не раздумывая, чисто в состоянии аффекта выполняя приказ, он легко меня и Александра убил бы. Нас запросто можно было удушить в ту минуту голыми руками. А так Чайревик тоже погряз в нирване шока от услышанного совета. Всё-таки моральным уродом он никак не был, пусть даже обычное чувство благодарности или широта русской души в нём и отсутствовали напрочь.

Вернулись мы все трое обратно на грешную землю после ехидного смеха:

– И какое смешное имя у вашего лидера! Хи! Это он сам придумал или ему по жребии выпало? Наверное, сразу две монетки на ребро встали. Хи-хи!

Я нервно сглотнул и оглянулся на Пятницу. Всё мне казалось, что я ослышался или просто сплю. Но парень на меня так глянул окосевшим взглядом великого артиста Крамарова, что я сразу понял: не сплю. Так меня ещё никто ни разу в жизни не оскорблял, не унижал и не втапывал морально в грязь. Да и моих родителей – попутно. Потому что они мне дали шикарное и удивительное имя, которым я горжусь. И прощать подобное я не собирался.

Сделал первый шаг в сторону сидящей женщины, за ним второй, постепенно сбрасывая с себя скованность и поводя плечами, словно для разминки. И тут прозвучал неожиданный вопрос всё от того же Саньки:

– Командир, ты как: даме челюсть сломаешь или под дых врежешь?

И я замер на полушаге. А в голове завертелась вполне резонная, очевидная мысль:

«Почему я так поверил, что этому сорванцу шестнадцать лет? Порой он совершает настолько неадекватные поступки и выдаёт фразы, присущие только опытному, столетнему старику, прошедшему и Крым и Рим. Надо будет как-то покопаться в его прошлом и всё-таки вывести так тщательно скрываемые факты биографии...»

Но именно циничный вопрос в грубой форме меня и остановил. Хотя ещё меня и взгляд девушки поразил: холодный, совершенно спокойный, оценивающий и даже отстранённо-равнодушный. Точно так же сторож в зоопарке смотрит на животных во время их кормёжки и прикидывает, сколько ему придётся позже выгребать из-под клеток навоза.

Чуть позже и Чайревик шевельнулся, приходя в себя, и выдал вдруг то, что я сам собирался сказать сравнительно недавно:

– Ну и ладненько! Пошутили, повеселились... хм, пора... и в самом деле с делами разделиться. – Осознав сказанное, почесал истинно по-русски затылок и пробормотал: – Пойду я за верёвкой и за лесинкой. М-да... если сумею сам притащить...

И первым, даже раньше загремевшего ведрами и устремившегося следом Пятницы, покинул расположение лагеря. А я грозно нахмурился, уставился на девушку и приступил к допросу:

– Ну и с какой стати ты решила спровоцировать кровопролитие между нами?

– Не заметила малейшей капельки крови в данном месте. Да и разве можно спровоцировать размолвку между истинными друзьями?

И смотрит на меня так наивно-доверчиво и кротко. Я даже растерялся чуток. Ведь, в самом деле, ничего плохого не случилось, всё вроде нормализовалось...

Хотя... какого чёрта?! Ничего ведь не нормализовалось! После случившегося я уже никогда не повернусь спиной к этому гнилому рыцарю-паладину!

Или эта кобра меня пытается загипнотизировать? Это она зря!

– Отвечай: зачем ты это делала? – строго спрашиваю, словно и не расслышал её попыток замазать белой краской чёрные деяния.

– Да всё нормально, просто решила проверить вашу дружбу и немного развеселить. Мужчины порой становятся такие скучные и противные. Фи!

– Веселиться, значит, любишь? А если бы Димон меня и в самом деле убил?

На это красотка вполне искренне и весело рассмеялась:

– Ну я же говорю: скучные и противные...

– Отвечай! – Я с угрозой во всём теле сделал ещё один шаг к ней, и девушка сразу посе-
рѣзнела, хотя улыбаться не перестала:

– Ну прямо как дети! Честное слово! Неужели ты не понимаешь и не хочешь видеть, что у меня всё было под контролем? Это же так элементарно!

Улыбка откровенная. Взгляд – честный, честный. И аурация моя, как назло, не работает. Об истинных эмоциях красотки могу только догадываться по чисто внешним признакам. Дышит спокойно, пальцами рук край плаща не тербит, ресницы не вздрагивают от напряжения... А вот кожа на висках покрылась еле заметной испариной! И губы пересохли, хоть дама и не пытается облизнуть их язычком!

Ага! Значит, всё-таки нервничает! Сильно! И сильно боится!

Теперь осталось только развить свой успех, не теряя уверенности в собственных силах и правильности действий. Делаю ещё один шаг вперёд, уже нависая над женщиной, и ей приходится задирать голову, чтобы видеть моё сердитое лицо. Должна понимать, что шутки (если её слова можно было назвать шутками!) кончились, моё терпение иссякло, и остановить меня будет некому.

Да и я начал с нешуточной угрозы:

– Ложь я чувствую, и как только она превысит допустимый предел в три предупреждения, перебрасываю тебя на ту сторону Багрянки! Там тебя ждут не дождутся. И для этого мои товарищи срубят два дополнительных ствола, чтобы тебя перебросить на тот берег живой и без переломов конечностей. А теперь быстро и без лишней воды отвечаешь на все мои вопросы. Начали! Назови своё настоящее полное имя.

– По нашим традициям, полное имя могут знать только родители и...

– Да мне насрать на ваши традиции! – перебил я её, взрываясь бешенством и еле сдерживаясь от рукоприкладства. Потому что почувствовал, а может, и просто догадался, что она врёт и пытается вилать, начиная с самого простого. – Поэтому: первое тебе предупреждение! Повторяю вопрос: как твоё полное, настоящее имя?

Вот тут она струхнула основательно. Что-то она в моём лице рассмотрела такое, что у неё и ресницы задрожали, и глаза забегали. И я догадался, вернее, окончательно уверовал в свои предположения, что она никакой не НПС. И теперь всё зависело от её ответа. И она опять осмелилась врать:

– Меня зовут Даниэлла Мэврут из рода Дарзлей. Родилась я в семье барона Робиньо Мэврут, в седьмой восточной провинции Новой Византии...

Глава 3

Крючок наживки заглотав...

И опять незнакомка врала!

Заметив, что я отстранился от неё, она несколько расслабилась и начала облегчённо вздыхать, но заглянула мне в глаза и осеклась на полуслове. А я смотрел на эту женщину, окончательно подурневшую для меня внешне, застывшую, с посеревшим от страха лицом, и не мог понять: с какой стати она вдруг мне показалась богиней? С чего это я решил, что она мой давно выстраданный идеал, плод моих бессонных ночей и самых эротических фантазий? Не иначе как она – ведьма, умеющая внушать о себе окружающим нечто запредельное, смертельно-ядовитое и одновременно трогательно-чарующее. Возле неё – опасно. В её присутствии даже Санёк мне может всадить кинжал в спину. Так что в идеале её и в самом деле надо перебросить на ту сторону Багрянки. Или, в самом крайнем случае, просто отпустить в противоположную от нашего движения сторону.

Ну и следовало форсировать либо начало полных откровений со стороны незнакомки, либо процесс расставания с ней. Что я и продолжил:

– Когда я спрошу твоё игровое имя и захочу поинтересоваться твоей фривольной жизнью в Новой Византии, тогда и задам соответствующие вопросы, – после чего демонстративно взял в руку часть ременной шлеи для конской упряжи и уселся на принесённую Пятницей корягу. – Поэтому за повторную ложь тебе даётся второе предупреждение. Ну и не поленюсь в третий раз задать вопрос: как твоё настоящее имя, где ты родилась и когда?

Я не мучитель какой-то, и не садист, и особенно не люблю, когда женщины плачут. Но тут испытал неожиданное злорадство и удовлетворение, когда две слезинки выкатились из глаз и оставили блестящие дорожки на бледных щеках. Пришло понимание, что ведьма спеклась, сломалась и просто вынуждена смириться с обстоятельствами, а не перекраивать их под себя.

Она прекрасно рассмотрела мою холодную решимость, что порой намного хуже горячечного бешенства или плохо контролируемой злобы. Поняла, что лгать больше нельзя, окажется вредно для её же здоровья. Хотя кто их, этих игроков знает? Может, она не верит, что её игровой мир стал Осколком и теперь находится в совершенно нереальной вселенной? Может, она всё равно продолжала верить, что после смерти возрождается в точке привязки и снова мчится выполнять недоделанные квесты?

Ну и прежде чем отвечать, ведьма всё-таки строптиво «лягнула копытом воздух»:

– Я всё расскажу и отвечу искренне на все твои вопросы. Но не могу промолчать о том, как низко ты пал в моих глазах своей грубостью, невоспитанностью, гнусным хамством и наплевательским, бессердечным отношением к слабой и беззащитной женщине. Тебе никогда не стать рыцарем и никогда не удостоиться чести заполучить благосклонный взгляд истинной великосветской дамы.

– Перебьюсь как-нибудь и без подобных взглядов, – фыркнул я с полным и уместным презрением. – С меня хватит девушек простых, добрых и любящих сердцем, а не тех меркантильных крыс, которые оценивают мужчину только по величине его пениса или по толщине его кошелька. И больше чтобы никаких отступлений! Продолжим...

Вопросы с моей стороны сыпались без всякой паузы на раздумья. Где родилась, когда, как зовут родителей, сколько детей в семье, почему вошла в игровую локацию именно сиядой. И нам никто не мешал, потому что Пятницу и Чайревика я отправил снова в лес, но на этот раз уже за двумя, ещё более длинными стволами граба. И акцентировал, что стволы должны быть очищены и ошкурены от коры.

Затем перешёл к цифровой конкретике, начав с уровня силы временно арестованной пленницы. Ну и во всём остальном заставил открыться. Каким приёмам в боевом искусстве научилась, какие получила магические умения и насколько сильно умеет пользоваться своими навыками оголтелой ведьмы.

На последний вопрос-утверждение женщина обиделась:

– С чего ты взял, что я – ведьма? Подобное определение для меня крайне оскорбительно и совершенно неуместно!

– Кончай тут строить из себя обиженную невинность! – скривился я. – Вела бы себя соответственно, никто бы тебя с бабой-ягой не сравнивал.

Выслушав описание нескольких экзотических технологий по созданию иллюзий на собственное тело и про усиленное влияние на окружающих некоторыми заклинаниями, я раздражённо махнул рукой:

– Хватит! Теперь давай переходи к рассказу о своих последних приключениях. Как всё началось, кто виноват и почему закончилось охотой на тебя в пустыне?

На последние вопросы девушка отвечала особенно осторожно. Пыталась всеми силами обойти некоторые неприятные для себя моменты, упустить интимные подробности и по возможности выставить себя всецело как невинную жертву, павшую под ударами коварной судьбы, пострадавшую от происков злобных недоброжелателей и завистников и просто чуть не умершую по причине фатального стечения непредвиденных обстоятельств.

Вроде нигде не врала, но очень, очень много недоговаривала. А я старался запоминать эти недоговорённости, чтобы разобраться с ними в будущем. Конечно, с допущением, если это будущее в наших отношениях ещё состоится. И конечно же, учитывая иные невероятные данные про истинную сущность сидящего передо мной игрока.

А история её приключений в Новой Византии оказалась занятной с любой точки зрения. При этом изобиловала большим количеством технических, возрастных подробностей и часто опиралась как на игровые законы самого Осколка, так и на законы родного мира данной особы. И началась она восемь лет назад, с момента приезда четырнадцатилетней Даниэллы Мэврут в Дарнаген, столицу виртуального мира.

Почему именно в таком возрасте? Да просто в более юное тело сияды правилами игры было запрещено перевоплощаться игроку любого возраста. Уж слишком натуральными были ощущения, ничем не отличающиеся от интимной близости в реале. Мало того, прежде чем уложиться в капсулу и выбрать класс персонажа и всё к нему полагающееся, игрок обязан был зарегистрироваться, обязательно доказывая своё совершеннолетие. Ибо тот, кому меньше шестнадцати лет, вообще не имел права посещать Новую Византию.

Сам же титул сияды обозначал не только дворянское происхождение, но и определённые способности в любовных приворотах, умениях очаровать и властвовать над мужчиной, доставлять ему наивысшее удовольствие при личных контактах. То есть, по земным понятиям, большинство обитателей Новой Византии считало сияд нимфами любви, куртизанками изысканного общения и гейшами великосветских развлечений. Игрок на этом поприще обучался ещё и магии, боевым искусствам, в обязательном порядке музыке и пению и проходил постоянно усложняющиеся курсы актёрского мастерства. То есть на выходе, в возрасте за двадцать, получалась такая опаснейшая гремучая смесь, благодаря которой сияда считалась порой опасней иного высшего паладина-священника, знаменитого рыцаря-дуэлянта или офицера тайной государственной службы.

И только одна беда довлела над сиядами: если они умудрялись влюбляться в мужчину и при этом состояли с ним в интимной близости, то никакие защитные меры не помогали избежать беременности. А как только об этом становилось известно окружающим, женщину тут же сажали под строгий домашний арест и начинали отсчитываться последние дни её жизни. Потому что сразу после родов сияду торжественно, при огромном скоплении народа сжигали

на костре. Уж какой садист-некромант или чокнутый разработчик придумал такие странные законы в виртуальном мире, никто толком не знал. Но закон прижился, стал неукоснительным и, как считалось, добавлял игре особой остроты, волнующего интереса, интриги, пикантности и непредсказуемости.

Да оно, по сути, что в этом особо ужасного? Ну, умер игрок на виртуальном костре, ну потерял свою прокачанную, развитую до магического совершенства забаву! Но сам-то при этом остался жить! Да и возможность остаётся вновь создать персонаж любой специализации, любого класса и любой профессии. Хоть повторно воплощайся в сияду. Хорошо хоть у них половую принадлежность запрещалось менять, да никто к этому и не стремился.

Вот и получилось, что шестнадцатилетняя девушка создала свой персонаж четырнадцатилетнего возраста, когда тот прибыл в столицу виртуального мира. Причём вышеупомянутая Даниэлла сразу отправлялась на учёбу в Первичную академию, где в среде таких же студиезов начала обучаться первые три года общим наукам, магии, актёрскому искусству, музыке и пению. При этом жила в студенческом городке, имела небольшие, поступающие от родителей, средства, зарабатывала сама и практически ни в чём себе (по меркам обеспеченного студента) не отказывала. Три года обучения в Первичной академии для неё пролетели как сплошной, непрерывающийся праздник. И она сама поражалась, как тогда умудрилась не забеременеть.

Даже рассказывая мне, сияда увлеклась, щёки её покраснелись, глаза затуманились воспоминаниями, и... мне пришлось её грубо оборвать:

– Всё понятно: «...попрыгунья стрекоза, лето красное пропела!..» Давай дальше и ближе к теме. Куда ты покатила после Первичной академии?

А вот дальше началась полоса несурзанных случайностей, не совсем приятных собственных просчётов и частого вмешательства потусторонних сил или злого рока.

Вначале Даниэлла сделала ошибку, что не перешла во Вторичную академию, где за четыре года обучения могла получить высшую специализацию делопроизводителя и организатора престижных великосветских мероприятий. Причём список мероприятий выглядел вполне объёмным: от рыцарских турниров до проведения свадеб и даже коронации верховных князей провинций.

Но только во Вторичной строгости удесятерились и требования преподавателей. Учиться становилось сложно, почти невыносимо, и девушка двинулась по пути наименьшего сопротивления, подалась на учёбу в храм весталок. Там меньше уповали на развитие интеллекта учениц, зато больше развивали их природные способности к обольщению, флирту и разжиганию страсти в партнёре. Но, несмотря на преподаваемые дисциплины, а возможно, и в пику им, в храме оказались невероятно жёсткими моральные нормы поведения. Учениц за малейшую отлучку в город без разрешения или за подмеченный флирт с посторонними парнями наказывали, заставляли выстаивать на коленях с кирпичами в вытянутых ладонях, а то и сажали в карцер на хлеб и воду. Только со временем пришло понимание, что так весталки закаляли дух учениц, а в особенности – дух сияд. Не делай они этого, вышедшие в свет выпускницы, дорвавшись до вседозволенности и разврата, очень быстро сгорали в пламени любовной, неосторожной интрижки и после родов попадали на костёр.

Но в первые два, а то и три года Даниэлла страшно мучилась ущемлением своей свободы и делала всё, чтобы вырваться из оков храма, добиться разрыва договора на ученичество и отправиться в свободное плавание по океанам бескрайних развлечений. Увы, договора составлялись так досконально и хитро, что расторгнуть их удавалось лишь единицам. Для этого нужны были колоссальные связи, солидные поручители и огромные средства. А всем этим приехавшая из дальней провинции баронета обзавестись за время учёбы в Первичной академии не озаботилась.

Вот и пришлось волей-неволей проучиться все четыре года при храме, а потом ещё и по обязательному распределению отправиться нести службу третьим советником по культуре

одного из посольств какого-то задрипанного царства. То есть ещё по закону следовало отработать два года «куда пошлют». Всё, как в реальности. Хорошо хоть вообще из столицы в какую-нибудь глухомань не отправили.

А может, и не хорошо. Потому что именно в первые дни так называемой «работы» игровые локации всей Новой Византии, с прилегающими кусками иных королевств и диких земель, полных чудовищ, стали одним из Осколков здешней вселенной. Как это произошло и почему, никто до сих пор не знает, но факт оставался фактом: очень много игроков «зависло» там навсегда. Большинство, правда, не сильно этим заморачивались, думали, что так и надо для натурализации процесса. Они и возрождались сразу после смерти в месте привязки, и в бой кидались без оглядок на новые условия, и уровни свои возвращали вместе с умениями. Но...

Всё чаще и чаще в последнее время возрождаемых игроков закидывало невесть куда, и они с огромным трудом могли добраться до родного города, а то и до привычных локаций. А некоторые – так и не возвращались. Вот только тогда стало окончательно ясно, что игра стала Осколком, сместилась неизвестно куда и связи с родным миром не существует. Но это было гораздо позже, а к моменту начала работы Даниэлу тоже не слишком взволновал факт, что она перестала по обязательному для всех игроков режиму возвращаться домой.

Потому что ей представилась шикарная возможность использовать свои умения и как следует заработать при этом. У посла канувшего в Лету царства оказалось много золота, и никого, перед кем он должен за эти средства отчитываться. Вот знавший об этом первый секретарь посольства и собрался разжиться, ограбив своего непосредственного начальника. Но самому справиться не получалось, и он привлёк в сообщницы ту самую новенькую, третьего советника по культуре по одной только причине: молода и привлекательна. Да и зубки уже магические прорезались, обещавшие помочь на самых деликатных проблемах. Естественно, что никаких моральных колебаний или укоров совести женщина не испытывала. Ведь всё вокруг – это декорации, вымысел, игра, в которой любое продвижение к славе, богатству и силе – приветствуется и поощряется. Ну а для самых хитрых, сообразительных и везучих – заготовлены награды, льготы, магические отличия и легендарные вещи.

И вначале у заговорщиков получилось всё весьма удачно. Девушке удалось втереться в доверие к любвеобильному послу, а первому секретарю посольства благополучно и до нитки своего патрона не только обокрасть, но и случайно убить. Она даже успела получить часть от полагающейся ей доли и уже прикидывала, какую недвижимость купить в пригороде столицы, как вдруг сообщника поймали жандармы разгневанного правителя, и всего через три дня после этого состоялась казнь на площади, где виновному отрубили голову.

Он тоже считался игроком и нисколько не унывал по поводу такого жестокого приговора, потому, наверное, и не выдал свою сообщницу. Только вот на место призыва, о котором он в своё время сообщил сияде по секрету, поделщик так и не вернулся. То есть не возродился. А может, и возродился, но в другом месте? Однако в любом случае Даниэлла осталась без средств и достойной работы, потому что посольство распустили окончательно и бесповоротно.

Но при этом, да при существующих процессуальных казусах в трудовом законодательстве, сияда получила полную свободу и возможность работать в любом месте и по собственному выбору. Вот она и пустилась во все тяжкие, пытаясь сделать карьеру, присущую наиболее удачливым и решительным сиядам. Можно сказать, весьма и весьма в этом преуспела, потому что однажды на неё положил взгляд сам правитель. Но тут удача отвернулась от девушки окончательно. Жестокий, развращённый властью человек отвергал неуместные ухаживания или официальные приглашения прогуляться по парку. Его подручные попросту силком приволокли сияду во дворец, где она и стала жить в подпольном, скрываемом от всего мира гареме, как в тюрьме.

И мало того, что насилие приходилось терпеть от самого правителя, так ещё и его официальная супруга имела право входить в гарем и предаваться в нём любому разврату и самой

изошрённой похоти. Такого надругательства Даниэлла над собой уже не вынесла и во время первого же уединения с супругой правителя убила её, переоделась в её одежды и сбежала из дворца. В Новой Византии разразилась беспрецедентная буря и пошли волны облав, обысков и притеснения всех свобод. Не искал виновницу злодейского убийства и грабительницу половины казны (именно столько под шум скандала правитель умудрился списать на беглянку!) только ленивый, слепой и безногий одновременно. И лишь благодаря чуду сияде удалось три месяца пересидеть в том самом скрытном месте, которое ей когда-то указал казнённый давно сообщник по первому делу.

Прошло три месяца, страсти улеглись, и Даниэлла решила убираться из Осколка. Путь был выбран сложный, зато известный: через мир Бронзовый Век, затем по пустыне-миру Бушующей Черепахи, и наконец – осмотреться в мире Дракулы. Если там не понравится, то двигаться дальше. Удалось уйти из столицы чисто, не оставляя следов. Но вот в государстве скифов её опознал по разосланному портрету один из соглядатаев на границе. Пришлось его убить, но при этом лишиться скрытности передвижения. За беглянкой организовали погоню, которая сумела её отсечь от правильной дороги, а потом и широкой загонной цепью загнать в тупик, образованный Багрянкой.

Когда вдруг неведомые люди предложили рискованную помощь, Даниэлла находилась в таком отчаянии, что собиралась броситься в реку из магмы, лишь бы не попасть в руки преследователей. Поэтому, ни секунды не раздумывая, бросилась к провисающей над жаром петле. Ну а когда после падения начала подниматься, то отчётливо рассмотрела возле себя валяющегося в пыли энпээсника и протягивающего руку рыцаря со сто тридцать вторым уровнем. Естественно, что как женщина в здравом рассудке, она сделала ставку на рыцаря. Вот и весь сказ.

То есть она не видела, кто я, из-за отсутствия надо мной нимба-определителя. Кстати, подобного она не наблюдала и над Александром, но интереснее всего, что совершенно не считывалась и сама. По поводу чего я и задал последний, как бы подводящий черту двойной вопрос:

– Какой у тебя уровень?

– Пятьдесят второй.

– Почему он не виден?

– А я сразу предпочла невидимость, ещё при выборе игрового персонажа. Кое-какие плюшки от системы теряются при этом, но в любом случае общая выгода несоизмерима с некоторыми небольшими неудобствами.

Не врала, да и ладно. Теперь я мог принять решение о её дальнейшей судьбе.

Глава 4

Нас стало четверо

Последнюю часть, а скорей всего и добрую половину истории слушали и Пятница с Чайревиком, вернувшиеся после исполнения моего последнего распоряжения. Иначе говоря, о приключениях нашей новой знакомой с момента окончания Первичной академии они знали всё. А вот о первой части с расспросами я повторяться не спешил. Не могу сказать, что сохранение данной детали бытия давало мне какие-то преимущества. Или делало сияду зависимой от меня. Но мне было интересно вообще, поведётся ли она на моё предложение, поймёт ли даваемые намёки и насколько сдержанно будет вести себя в будущем. Этакая проверка ей предстояла, испытательный срок. О чём я и стал вещать после окончания расспросов:

– Отправлять обратно сударыню Дарзлей я считаю неправильным. Она была вправе скрываться и бежать со своей родины, а преследование её продажными работниками – лишнее свидетельство правильности её поведения. Поэтому предлагаю принять Даниэллу Мэврут в нашу команду, как только она произнесёт ритуальную просьбу, адресованную лидеру. Никто не возражает? – Обычная практика, когда лидер интересуется мнением остальных о возможности принятия нового члена в пати. А так как последовавшее за тем молчание – это согласие, то я уже спросил девушку: – Произносишь ритуальную фразу?

Та дёрнула плечиком, не думая кочевряжиться или выторговывать какие-то особые условия для себя или оговаривать привилегии:

– Прошу лидера принять меня в свою команду.

– Принимаю Даниэллу Мэврут Дарзлей в свою команду! – ответил я сугубо официально. А уже затем многозначительным тоном продолжил: – Отныне никто не вправе надоедать тебе вопросами о твоём прошлом, а ты сама будешь решать, что рассказывать, а что нет. Имя, во время боя, мы твоё сократим до Дани. Не возражаешь? – Она не возражала. – Любое иное произношение или коверканье – неприемлемо и будет наказываться. Ну вот, вроде и всё... Ах, да... Добро пожаловать в нашу команду!

То есть я не стал распространяться о самом, по моему мнению, важном аспекте: о прошлом игрока, который выбрал своим персонажем сияду в игровом мире Новой Византии. А почему о самом важном? Да просто я ещё ни разу не общался с человеком из более развитой технической цивилизации, чем наша земная. Ибо данная девица была в моём представлении и понимании инопланетянкой. А я мечтал о такой встрече с четырёхлетнего возраста.

Конечно, уже во время приближающегося ужина она имеет право трепаться и о своём детстве, и о своей юности, и о более зрелом девичестве, во время которого она обучалась и даже для развлечения подрабатывала. Оба наших товарища узнают, что на самом деле у неё другое имя и она родом с планеты Фоотрана, которая опережала развитие Земли лет на двести. Но что-то в сознании мне подсказывало: не станет раскрывать Даниэлла все свои секреты, поймёт мои намёки и оставит часть информации в запасе.

Правда, я и сам ещё толком не мог сообразить: а что это (общение с инопланетянкой) даст мне лично? Мы ведь даже не сумеем обменяться координатами во вселенной. Пусть мы и родились в Галактике, но звёздное небо видится с Земли совершенно иначе, чем с поверхности Фоотраны. Попытаюсь выяснить новый принцип их двигателей? Вроде перспективная идея, тем более что фоотранцы уже обжили все три спутника своей планеты и полным ходом заседают иные шесть планет системы. Да и массу других новшеств, усовершенствований и открытий я собирался со временем узнать от девушки. И пусть не всё она сможет рассказать, и не всё я смогу понять или переложить на технические термины своего мира, уже только сам этот

факт подобного общения мог оправдать моё годичное пребывание где угодно. Даже в одиночной тюремной камере.

Тем более что один из моих вопросов, когда мы ещё были наедине, звучал так:

– Ты сможешь дать техническое описание самых важнейших открытий на Фоотране за последние двести лет?

– Смогу! – ответила она со всей уверенностью. – Тем более что обучалась я в технической школе для особо одарённых детей.

Вот это и решило её судьбу. Потому что в ином случае, не будь она такой образованной инопланетянкой, я бы от неё избавился при любом раскладе. Нам она не нужна, оттого что слишком цинична, вульгарна, беспринципна и опасна. Опасна во всех планах: как обладательница магии обольщения, так и как дама, имеющая возможности применения боевой магии. И не факт, что нас не предаст или собственноручно не уничтожит, когда почувствует уверенность в завтрашнем дне, а нас (в завтрашнем дне) рядом с собой не увидит. Даже не знаю, с чем сравнить приём в отряд такого человека, как сияда: аналогия с коброй за паухой – слишком наивно-благодарная и никак к нашему случаю не подходит.

Но я шёл на этот риск сознательно, уже имея фактического предателя у себя за спиной в виде Димона Чайревика. Конечно, чуть позже он осознал висевшее на себе помутнение, и рассмотрел, что в плане красоты девица никак не блещет истинным совершенством, но свои подспудные желания и стремления он уже обрисовал перед нами. Благодаря чему раскрылся в очень неприглядном и опасном свете. Тот ещё характер у человека! И уверен, в будущем это мне ещё не раз аукнется.

Зато есть хорошая пословица: предупреждён – значит, вооружён. Так что я надеялся справиться со всеми сложностями, вытекающими от присутствия в пати такой экстравагантной и ядовитой особы, как сияда.

И постарался неотлагательно занять всех делом:

– Димон, займись срочным приготовлением ужина, позже мы к тебе присоединимся. Я иду на берег Багрянки, поговорить напоследок с работоторговцами. Сандер – прикрой меня со своим арбалетом. Берём с собой оба ведра для воды и черпак. Сударыня Дарзлей идёт с нами, но на самом берегу будет стоять от нас не ближе чем в пятидесяти метрах. Мы-то увернёмся от копий, а она – вряд ли. Отправляемся!

Сияда промолчала после такого распоряжения, хоть и скривила личико и даже плечами пожала в непонимании. Зато рыцарь не удержался от вопроса:

– Зачем она нужна на берегу? Просто подразнить её преследователей?

– Не только. Мне могут понадобиться существенные подсказки с её стороны, а то и громко произнесённая клятва. Потому что я намерен отсечь погоню за нами не только этих типов, но и остальных, кто может двинуться за ними из Новой Византии.

Сандер подхватил ведра и помчался налегке за водой, которую я ему указал доставить к месту нахождения двух ошкуренных лесин. Сам же я нёс его арбалет и его копьё Шершень. Плюс свой легендарный дуэт – Щит да Меч. Для меня что своё, что чужое именное оружие ничего не весило, потому так и распределились обязанности.

Как только мы вдвоём стали спускаться с холма, женщина тотчас заинтересовалась, как именно можно забросить на тот берег живое тело принудительно и не покалечить его при этом. Как смог, так и объяснил на словах. Мол, две лесины ставим в виде буквы «А», а третьей, на противовесе, подстраховываем плавное опускание «А» на ту сторону и зависание над берегом.

– Как просто, – вырвалось у женщины. – А ведь я не сообразила бы, даже со своим специ... специфическим знанием геометрии.

Наверняка она хотела сказать «...специальным техническим образованием», но вовремя прикусила язык. Уже даже наедине со мной она следит за своими словами. Что лишний раз подтверждало мои предположения: не станет она болтать о своём детстве и юности. И в том,

сколько ей на самом деле лет, не признается. Выглядит на четыре-пять лет моложе, вот и будет этой легенды придерживаться.

Затем она отстала на указанные мною метры, и возможность поговорить со мной наедине получил Пятница, догнавший нас с полными вёдрами:

– Командир! Ты бы слышал, как её пытался закадрить наш рыцарь, пока тебя не было! пеной весь исходил, обещая золотые горы и райскую жизнь. Но она его постоянно перебивала и непрерывно спрашивала только о тебе. Ну и когда ты там с тем копыеносцем силами и ловкостью мерился, глаз с берега не спускала.

То есть мой верный товарищ сразу разоблачил, открыл мне глаза на несоответствия в поведении спасённой нами красавицы. То есть она во время первых минут нашего разговора просто разыгрывала из себя холодную надменность и всячески старалась скрыть свой ко мне повышенный интерес. А почему? Сразу мне ничего дельного в голову не пришло, но чуть позже я обязательно над этим подумаю.

Хотя навскидку некое прозрение мелькнуло. Ведь девица просто могла чуть исказить своё высказывание о своём выборе надёжного мужчины в первые секунды после падения на меня грешного. Вдруг она отчётливо видит мой уровень и не только рыцаря-паладина? Тогда всё её отношение ко мне получает совсем иной окрас и совсем иную трактовку. Тоже придётся подумать и проанализировать.

А пока я горячо поблагодарил земляка за всемерную поддержку:

– Спасибо, Санёк! Что бы я без тебя делал! И женщину избил бы, и хамоватого Чайревика не знал бы как на место поставить. С меня причитается, проси что хочешь.

Парень самодовольно заулыбался, хмыкнул и пригрозил:

– И попрошу! Потом... когда придумаю... Не откажешься от своих слов?

– А что, раньше я тебе давал повод сомневаться в своих обещаниях?

– Нет, что ты! Это я так, к слову...

Приблизившись к берегу метров на десять, я поставил свой Щит стоймя, создав для арбалетчика настоящую крепость, из-за которой он при желании и наличии болтов мог бы всю армию перестрелять. А сам, отходя чуть в сторону, стал кричать в сторону бархана, возле которого с опасением толпились преследователи Даниэллы:

– Ей, болезные, подходите ближе! Хочу огласить нашу волю и дать вам несколько добрых советов. Не надо бояться, смелей! Война ведь между нами давно закончилась...

– Да мы и так хорошо слышим, – отозвался один из них, поглядывая с огромным интересом на вёдра с водой. – Ты говори, а мы послушаем. Хотя уже понимаем, что сияду ты нам отдавать не собираешься?

– Правильно понимаете.

– Тогда зачем нам твои советы? Нам надо отправляться обратно как можно скорей, да и раненные у нас на руках. И воды мало...

– Вот с неё и начнём. Перекидывайте по одной сюда ваши фляги и мою трезду с тремя шипами, а мы фляги наполним, пока буду вам одно правило растолковывать.

Конечно, они мне сразу не поверили:

– А если вода отравлена?

– Могу продемонстрировать, как я её пью. Да и наверняка у вас имеются амулеты для проверки, так ведь?

– Не сомневайся, имеются. Но всё равно – выпей черпак.

Ну, для меня недолго и три вылакать, тем более что после иссушающего допроса сделать это так и не успел. Взял черпак, наполнил, потом демонстративно, с небольшой высоты вылил воду себе в рот и заявил:

– Вода – как вода! – На той стороне реки из магмы сразу несколько страждущих согласно закивали головами. А ведь там ещё и тёмное небо давило на пески труднопереносимым жаром. Не завидую я им. – Начинайте бросать фляги.

Послали самого молодого, кого не жалко. Но уже после пятой фляги, рассмотрев с помощью амулетов и даже распробовав воду, загрузили флягами бойца под завязку. И тот изрядно потрудился с перекидыванием, ещё и трезду мою отдали, которой я убил слишком шустрого копьеметателя.

А я толкал вполне продуманную, логически идеально выстроенную речь:

– Кто из вас слышал, чтобы правитель Новой Византии выполнял свои слова и награждал отличившихся воинов за специальные задания? Молчите? Да потому что вам и вспомнить-то нечего. А кто из вас слышал слухи о жалобах на всё того же правителя? Дескать, обещал награду за голову такого-то преступника или беглую рабыню, но так ничего и не выплатили? О! Тоже молчите, потому что и такие слухи до вас доходили. Рассуждаем дальше... Раз вы такие наёмники и часто сопровождаете работорговцев, то наверняка и более неприятные слухи до вас доходили? А именно: что некоторые ваши подельники, пожелавшие потребовать награду за пойманных беглецов, отправились в Дарнаген, но так из столицы больше и не вернулись. Тоже в курсе? Ну вот, я так и знал, что вы – не тупые идиоты, отвергающие здравые и полезные сведения.

Я сделал паузу, ожидая возможных возражений, но их пока не последовало. Явно перекинувшись между собой скептическими фразами, вояки стали ждать продолжения моей речи. И я не заставил их ждать, ткнув рукой в стоящую далеко за моей спиной Даниэллу:

– И эту сияду ловят уже давно, вы об этом отлично знаете. Но вот в курсе ли вы, что упустивших её за ворота стражников Дарнагена казнили? Всё отделение распяли на крестах, обвинив в пособничестве беглянке. То есть лишили жизни только за то, что они не проявили должной наблюдательности и придирчивости к каждой выходящей из столицы женщине. Мм?.. Не знаете... Тогда двигаем дальше... Двадцать человек пограничников казнено вместе с комендантом пограничной крепости, за то что там умудрилась просочиться из Новой Византии с группой беженцев всё та же, так вами страстно преследуемая сияда. Улавливаете параллели? А также ту особую благодарность, которую правитель проявляет ко всем, кто хотя бы пытался честно и рьяно указать на следы беглянки? Ха! Вижу, что улавливаете! Да и последний случай, когда некий византийский соглядатай на границе опознал девушку и поднял тревогу. Благодаря этой тревоге вы и знали, кого надо ловить и куда несчастная жертва примерно направляется. Но вот знаете ли вы, что случилось с опознавшим её соглядатаем? И за что его убили подоспевшие жандармы? Нет? Так подумайте, почему его обвинили в том, что он сам не задержал слабую и беззащитную женщину? Да и если бы просто обвинили, дали пинка в зад или оштрафовали... А то ведь как щедро наградили: лишили жизни! А?.. Красиво?.. Честно?.. И вы хотите той же участи? Вижу, вижу, что не хотите! Так что хорошенько подумайте, прежде чем признаваться в своей неудачной погоне. В крайнем случае постарайтесь сговориться и твердить только одно: беглянка увидела перекинутые через магму две тонкие лесины и решила перебраться по ним. Но вы подоспели вовремя и потянули лесины на себя. Вот тут разыскиваемая преступница и рухнула в Багрянку, сгорев после этого заживо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.